

**Максим Грек, святогорец
протоиерей Александр Горский**

Жизнь Максима до прибытия его в Россию

Максим Грек, инок Афонского Ватопедского монастыря, родился, вероятно, около 1480 г.¹ Отечеством его была страна воинственных Арнаутов, Албания, а местом рождения главный город этой области, – Арта. Но родом был не албанец, а грек. Родители его были Мануил и Ирина. Есть известие, что отец его был воеводою².

С ранних лет Промысел Божий судил Максиму встретить тяжкие испытания, и этим как бы приготавливал его к тем горьким страданиям, которым он должен был подвергнуться в позднейшие годы своей жизни. Разумею горестную участь греков, поработанных оружием Магометовым. Отечество Максима, Албания, долее других областей греческих, отстаивало свою свободу, при помощи Венеции, единственной державы европейской, которая, защищая свои владения на востоке, усиливалась остановить распространение владычества турецкого. Но не спасло Албанию ни мужество Георгия Скандерберга, ни помощь Венецианской республики. – Итак естественно было, что первые ощущения Максима в своем отечестве были горестные ощущения унижения и рабства своих соотечественников. Эти бедственные обстоятельства могут служить объяснением того грустного чувства, которое высказывалось и в сочинениях Максима, при воспоминании о своем отечестве. Вот один из таких отрывков, хорошо характеризующий и бедственное положение христианского востока, и скорбный взгляд на него Максима. «Ныне более, нежели когда-нибудь, говорит Максим, прилично нам повторять с блаженным пророком и царем Давидом: *Ты Господи, да соблюдеши ны от рода сего и во веки*. Почему? Потому что, как далее он говорит, *окрест нечестивии ходят (Пс. 11:8–9)*. Куда ни прострешь мысленный взор, везде видишь, как тьма христианоборческого нечестия Измаильтян увеличивается и все собою покрывает». – В след за тем, Максим обращает взор на возрастающие успехи магометанства, с самого его появления до покорения столицы восточного православия. Это невольно возбуждает в нем мысль о приближении царства антихристового. Высказав эту мысль, он продолжает: «когда, более нынешняго времени, можно было видеть или слышать отступлений народов от чистой и непорочной христианской веры в различныя богомерзкия ереси и в христорборное безверие агарянское? – и где ныне возсиявшая в благоверии, благолепная красота и слава бывших верных в Иерусалиме, Александрии египетской, Ливии и Антиохии? Где теплота божественной ревности

богоносных и равноапостольных отцов наших, просиявших постом в ските, в Фиваиде, и в разных странах и горах? Где различные народы востока, от которых свет благоверия, начав сиять еще при божественных Апостолах, достиг и до нас, жителей Европы? Не покрыла ли почти всех их тьма агарянского нечестия, и одни уже преклонились к его зловерию, а другие подавлены, озлоблены, растлены душевно, и растлеваются всегда разными способами? Но, что не говорю я о важнейшем из всего слышимого и видимого: где ни с чем несравнимая высота и слава в правлении и мудрости, во всех добродетелях, благих учреждениях и в православной вере, державы православных царей христианских, царствовавших в знаменитом и добротимом городе Константина Великого? Где тот всемирный свет благоверия, который, подобно солнцу, осиявал всю вселенную – через равноангельных святителей, архиерействовавших в сем городе? Не порабощено ли все сие, уже довольно лет, Измаильтянами? – И нет нам ниоткуда избавления, но дела наши становятся всё хуже и хуже, а враги наши приходят в большую славу»³.

Первые годы своей юности Максим провел среди своих единоверцев и соотечественников, и, конечно, от своих родителей получил первоначальное благочестивое воспитание⁴. Но более полное образование и развитие своих сил он должен был получить не в земле греческой. Здесь тогда не было ни училищ, ни наставников. Что же касается в особенности до области Албанской, то она и прежде не отличалась успехами просвещения. Вероятно, семейные связи и общее тогда стремление греков из опустошенной земли отеческой на запад открыли Максиму возможность воспользоваться уроками своих соотечественников в стране их переселения.

В пятнадцатом столетии нигде нельзя было найти более способов для образования умственного, как в Италии. Покровительство наукам государей и свободные учреждения некоторых городов привлекали сюда множество греков, и прежде падения Константинополя. А это всенародное бедствие усилило их переселения. Возбужденная любознательность давно уже обнаружила в Италии стремление к сокровищам греческой литературы. Поэтому ученым грекам открыты были здесь и дворы государей, и кафедры университетов, и дружба богатых и знатных, и родственное покровительство соотечественников, успевших ранее устроить свои дела в этой стране. Не даром Венецию признательное слово Виссариона Никейского назвало вторым Константинополем, для греков. В другой республике, Флоренции, их ожидало радушное гостеприимство

покровителей наук и искусств, Козмы (Козимо – прим. редакции) и Лаврентия (Лоренцо – прим. редакции) Медичи. Рим, Неаполь, Милан также, один перед другим, приглашали к себе просвещенных пришельцев греческих. – Повсюду в знатнейших городах Италии учреждались библиотеки. Папы, государи и богатые граждане спешили спасти греческие рукописи от истребления невежественными турками. А типографское искусство открыло доступ и всем к изучению памятников древности. Италия первая начала печатать у себя греческие книги.

Преимущественно разрабатываемая была в Италии древняя литература греческая и римская, и главное направление образования было филологическое. Но было довольно и читателей философии, между которыми, по-прежнему, велись жаркие споры о превосходстве Платона, или Аристотеля, и о возможности соглашения их между собою.

Юный Максим, посещая разные города Италии, по-видимому, более посвящал свое время изучению древних памятников своего языка. Древних еллинских писателей он называет своими первыми учителями⁵. Желание короче познакомиться с ними сблизило его и с знаменитым типографом, Альдом Мануччи в Венеции, – как это объясняет сам Максим в письме к одному из русских князей. Отвечая ему на вопрос: что означают знаки якоря и рыбы, выставляемые этим типографом на своих печатных книгах, Максим говорит вместе о глубоких познаниях Альда в древних языках, и прибавляет: «я его знал и видал в Венеции, и часто к нему хаживал по книжным делам, когда был еще молод и ходил в мирском платье»⁶. Альд Мануччи был не только типограф, но и ученый, хорошо образовавший себя в школе древних, и сам оставил много сочинений, относящихся до древней филологии. При нем всегда было общество ученых, помогавших ему при печатании книг с древних рукописей⁷. На филологическое же образование Максим указывает и предание, называющее его учеником Иоанна Ласкариса, который не был ни философом, ни богословом, но филологом⁸. – При помощи таких руководителей ознакомившись с словесными произведениями древней Еллады, Максим и сам, впоследствии, нередко приводил в своих сочинениях древних поэтов⁹. Доказывая несомненность праведного мздовоздаяния в жизни будущей, он ссылался на примечательныя сказания из греческой мифологии: о схождении Одиссея во ад и видении там благородных греков в Елисейских полях, а злых в мучениях; о Миносе и Радаманте судиях, о Коците и Ахеронте реках огненных¹⁰. Он знал сладость «доброглаголения кекропидского», т.е. аттического красноречия¹¹, и хорошо понимал трудность изучения еллинского языка. «Грамматическое учение у греков, – писал он одному из

Русских, желавшему познакомиться с грамматикой, – весьма не легко. Оно служит у них вступлением к изучению философии. И потому нельзя в немногих словах, в короткое время, выразить его силу: но надобно посидеть за ним, у хорошаго учителя, целый год, освободившись от всех житейских хлопот и забот, сохраняя трезвение, воздерживаясь от всякаго покоя, и от услаждения в пище и питье»¹². – Хорошее образование филологическое послужило Максиму впоследствии при его многочисленных переводах с греческаго, отличающихся строгою отчетливостию, и при проверке чужих переводов. Оно открыло ему способ скоро усматривать характеристические черты писателя; оно познакомило его с началами здоровой критики и помогало ему легко отличать подлинное от подложного в писаниях древних¹³.

Живя довольно времени в странах латинских, при господстве в то время латинского языка между учеными, Максим естественно должен был познакомиться и с языком латинским. Памятником его познаний в этом языке между прочим может служить объяснение личных имен, заимствованных с латинского языка¹⁴.

Не устранился Максим и от знакомства с философию: но вообще он не усвоит себе хорошаго познания этой науки, и не любил, когда, думая почтить, называли его философом¹⁵. Относя философию к так называемому «внешнему наказанию» или образованию, он хотя и называл себя учеником ее, но сознавался, что не довольно пребывал даже в преддверии ее¹⁶. Из древних философов он отдавал первенство возвышенному Платону¹⁷, не любил Аристотеля, на котором преимущественно опиралась тогда схоластическая философия. Особенно осуждал он неразумное приложение диалектики к предметам веры¹⁸: но очищенную от своевольных умозрений философию любил и уважал. Философия, писал он, есть нечто священное: «потому что она говорит о Боге и Его правде и Промысле, на все простирающемся и непостижимом. И хотя не во всем она успевает, потому что не имеет вдохновения, каким обладали св. Пророки, но показывает достоинство, целомудрия, кротости и мудрости, и вообще украшает нравы добрыми правилами»¹⁹. Как ученик Евангелия, он требовал, чтобы философия была служительницею евангельской истины²⁰.

Но не всегда так правильно понимал Максим отношения философии к истине евангельской. Сам он неоднократно сознается, что в лета юности, увлеченный современною философию в италянских училищах, о многом рассуждал он иначе. Преданность Аристотелю, Платону и другим мудрецам языческим была причиною крайняго потрясения догматов веры

в мыслях тогдашних мудрствователей Италии и их учеников. «Достоверный этому свидетель я сам, – пишет Максим; не только был я слушателем таких учений и самовидцем их действия в Италии и Лонгобардии, но и сам некогда был им причастен: и если бы не Господь, пекущийся о спасении всех, помиловал меня и посетил вскоре Своею благодатию и озарил светом Своим мысль мою, то давно бы и я погиб с находящимися там проповедниками нечестия»²¹.

Что же именно было причиною временного уклонения молодого искателя мудрости от пути истины? Сколько можно судить по оставшимся сочинениям Максима, причиною такого увлечения были мечтательная обещания астрологии раскрыть человеку будущее, поддерживаемые тогдашнею философиею. Против подобных мечтаний имел он случай действовать в последствии в Москве. Тогда писал он к своему другу: «опытом дознал я, что никто из внимающих астрологическому учению не мог сохранить чистой веры в Бога, а некоторые и совсем погибли, впадши в безбожие. О сколько найдется страждущих таким недугом в италийских училищах и в Галии, которых только страх наказания от папы заставляет скрывать в себе беззаконие!» и далее «многолетним опытом дознав пустоту звездословия, почел я несправедливым молчать пред тобою о вредном влиянии сего учения»²².

Действительно Италия в XV веке жестоко страдала недугом неверия, и, как обыкновенно бывает по закону правосудия Божия, за отвержение чистой веры предана была жалкому суеверию. Вот что говорит современник Максима Грека, из сынов самой Италии: «грехи и злодеяния в Италии умножились, потому что эта страна потеряла веру во Христа. Тогда верили, что все в мире, и в особенности судьба человеческая, есть только дело случая. Некоторые думали, что все управляется движением и влиянием звезд, отвергали будущую жизнь и смеялись над религиею. Философы находили ее слишком простою, годною только разве для старых женщин и невежд. Некоторые видели в ней обман, выдумку человеческую. Так было во всей Италии, и в особенности во Флоренции. Все мужчины и женщины обратились к нравам языческим, занимались поэтами, астрологами и всякого рода суеверием»²³. В самих предстоятелях Церкви западной потрясена была вера: Бембо, секретарь папский и кардинал, даже в священной коллегии кардиналов, при папе Льве X, насчитывал до четырнадцати язычников по своим верованиям²⁴.

И Максим в своих странствованиях по городам итальянским довольно встречал таких людей. В Ферраре он знал Кобезмика, который, превосходя других ученостию, до такой степени заражен был убеждениями

языческими, что, умирая, говорил своим друзьям и ученикам: «радуйтесь со мною, возлюбленные. Завтра я найду себе покой в полях Елисейских, вместе с Сократом, Платоном и со всеми героями». Другого, подобного нечестивца видел Максим в Падуе. «А кто не знает, прибавляет он, Ангела Полициана, бывшего во Флоренции, который превосходил других во всяком нечестии, и жалким образом изверг душу свою»²⁵? Можно к этому прибавить, что во Флоренции, где долгое время жил Максим, при Медичисах образовалось целое общество почитателей Платона, или Академия, в которой уважение к греческому философу простиралось до языческого ему поклонения. И во главе этого общества долгое время стоял латинский священник, Марсилий Фицин²⁶.

Но если в Италии искатель мудрости, вместо указания пути к истине, нашел себе в некоторых соблазн неверия: то здесь же Господь указал ему человека, который помог ему укрепиться в своих первоначальных религиозных убеждениях и в духовно-нравственном направлении. Это был Иероним Савонарола²⁷.

Иероним Савонарола принадлежал к числу таких людей, которые, среди господствовавшего в Италии увлечения языческими идеями и убеждениями, были строгими проповедниками истины христианской и обличителями развратных современников. Он родился в Ферраре в 1452 г.; воспитание получил строго-нравственное; приготавливал себя к служению врачебному, но в тоже время любил читать богословские сочинения Фомы Аквината. Рано в душе его зародилась скорбь о повреждении современных нравов и упадке Церкви. Проповедь одного августинского монаха довершила победу его над самим собою, – и он, не предназначавший себя никогда к духовному званию, на 23 году решился навсегда отречься от мира: тайно оставил дом отеческий, ушел в Болонью, и там поступил в монастырь доминиканский. Около четырнадцати лет потом, по распоряжению своего начальства, он занимался обязанностями то профессорскими, то проповедническими, в разных городах Италии. Наконец судьба его привела во Флоренцию, где и прежде трудился он около четырех лет, но без особенного успеха. Здесь-то в центре Италии, среди населения живого, способного к увлечению всякими идеями, чувствительного к действию сильного слова, предназначено было Савонароле развить свою деятельность вполне. Он вступил в доминиканский монастырь св. Марка, назначен был духовником и проповедником: но почувствовав свое призвание, решился оставить исповедь для проповеди, и вскоре потом сделался настоятелем своего монастыря. Народ пред ним благоговел. Сила убеждения, необыкновенная

живость воображения, строгость в обличении, стремительность и неожиданность самых разительных оборотов в мысли и слове, все это сильно превлекало толпы к его кафедре. Прибавим к этому строгую аскетическую жизнь, неустрашимую прямоу характера Савонаролы, и политические отношения, в какие он поставил себя, – и нам будет понятно могущественное влияние проповедника на умы и сердца своих слушателей. Опыты этого влияния почти невероятны. Вот для примера один из них. Флоренция была заражена разными пороками, сродными духу времен языческих. Языческое нечестие с особенною силою проявлялось во время карнавала. Игорные дома, ристалища, зрелища и все места, где находили себе приют праздность и разврат, особенно тогда оживлялись. Роскошь, удовольствия чувственные заглушали совсем голос веры и Церкви. Иероним не мог долее терпеть этого разлива нечестия. Он призвал все силы своих необычайных дарований, и одним словом божественной истины, без всяких посторонних пособий, довел Флорентийцев до того, что, тронутые убеждениями своего духовного руководителя, они добровольно начали приносить к нему все, что только служило орудием их языческих увеселений. И скоро монастырь св. Марка обратился в складочное место, где собраны были все принадлежности роскоши и мирских удовольствий: соблазнительные картины, щегольские платья, романы, стихи, карты и проч. По приказанию Савонаролы все это было сложено в один костер и, в присутствии многочисленного народа, предано огню, вместе с изображением карнавала. Ревнитель благочестия сам находился при этом, и по истреблении всего, тут же преклонив колена, пламенно благодарил Бога, увенчавшего его подвиг таким успехом. Это было в 1497 г. В следующем году он повторил опыт своей ревности. Но это было уже одним из последних доказательств его могущественного влияния на Флорентийцев. – Непримируемая вражда Савонаролы с могущественным домом Медичисов, вмешательство в политические дела Флоренции, и нападения на злоупотребления папского престола – были причиною обвинения его в дерзких мыслях и в хуле против веры и Церкви. И папа Александр VI, после некоторых колебаний, в 1497 г. предал Иеронима отлучению от Церкви и, воспретив ему проповедывать, потребовал его к себе в Рим. Савонарола, не признавая себя виновным в нарушении законов церковных, не хотел ехать в Рим и требовал нового разсмотрения его дела. Это ещё более раздражило Александра, и поколебало доверенность Флорентийцев к Иерониму. Враги его воспользовались этими обстоятельствами, и 23 мая 1498 года Савонарола, обвиненный в разных церковных и гражданских преступлениях, в присутствии многочисленного

собрания, сожжен на костре, вместе с двумя своими приверженцами.

Максим, как видно из его повествования, застал Савонаролу еще в цветущий период его силы и славы: и всё в этом необыкновенном человеке поражало юного Грека. «Он был, – пишет Максим, – исполнен всякой премудрости, и разумения богодухновенных писаний, и внешнего наказания, т.е. философии. Он был великий подвижник, украшенный божественною ревностью. Видя, что город Флоренция наиболее страждет двумя богопротивными беззакониями: лихоимством и бесчеловечным взиманием роста, предпринял он доброе и богоугодное намерение, на основании божественных Писаний, одним учительным словом истребить это зло. К нему часто собиралось множество слушателей из благородных и первых граждан города, и, полюбив его, стали просить, чтобы он проповедовал им в самой соборной церкви. Он принял на себя этот подвиг с усердием и начал предлагать им в св. четыредесятницу, каждодневно, учительное слово, с высокой кафедры, стоя по два часа, а иногда и более». Плодом этой проповеди, замечает Максим, было исправление целой половины жителей Флоренции, и в доказательство сего приводить пример одной бедной женщины, которая, нашедши на улице кошелек с 500 золотых монет, не воспользовалась своею находкою, но принесла ее к Савонароле. – «Но тогда как одна половина города исправилась, – продолжает Максим, – другая оставалась глуха к его поучениям, и даже стала враждовать против него. Но он, подражая кротости и долготерпению Господа и Спасителя нашего, всё переносил мужественно и не прекращал своих обличений. Не слышно было из уст его хвалы, ни даже облеченным властью церковною, но не подражающим в жизни Апостолам и о пастве Христовой не пекущимся. И их он обличал без страха, и часто говорил: если бы мы жили достойно Евангелия Спаса Христа, то иноверные народы сами собою обратились бы ко Господу, смотря на наше равноангельское житие, – и это было бы нам во спасение и в наслаждение вечных благ. Но мы, напротив того, живя не по заповедям евангельским, и сами себя не исправляем, и о других не заботимся, чтобы руководить их к благочестию. И чего же мы должны ожидать от праведного Судии? Чтó услышим от Него, кроме сего осуждения: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко затворяете царствие небесное пред человеки: вы бо не входите, ни входящих оставляете внити (Матф. 23,13.)*.

За тем сказав о гневе папы на Иеронима и о пренебрежении Савонаролы к осуждению и проклятиям нечестивого Александра, Максим делает следующее, характеристическое в отношении к нему самому, замечание о неустрашимом проповеднике: «я думаю, он уже положил

тогда в душе своей: если будет нужно, то и умереть за благочестие и за славу Божию. Ибо в ком возгорится огонь ревности по Боге, тот готов не только отречься от своего имущества, но и пожертвовать самую жизнь».

С неизменным уважением к Савонароле смотрит Максим и на историю его последнего осуждения. «Поборники папы, – продолжает он, – определили предать Иеронима смерти. Избрав какого-то генерала (доминиканского ордена), по имени Иоакима (Турриана), дали ему от лица папы власть лишить Иеронима настоятельства, и, по исследованию, как непокорного римской Церкви и ее клеветника, осудить на сожжение. Тот, прибыв во Флоренцию и предъявив папские грамоты высшему городскому начальству, вытребовал Иеронима к себе на суд, и предал его жестоким пыткам. Иероним с дерзновением отвечал на все лукавые вопросы несправедливого судьи. И когда по этим ответам судья не мог его обвинить, представлены были лжесвидетели со стороны незаконных, которые прежде не хотели покориться его учению. Основываясь на их клеветах, враги осудили его и с ним двух его сотрудников, на сугубую казнь: повесить их, и потом предать тела их огню. Таков был конец, – заключает Максим, – жизни трех этих преподобных иноков, и таково воздаяние им за подвиги о благочестии от непреподобнейшего папы Александра, который своими неправдами и злобою превосходил всякого законопреступника. – Но что касается меня, – прибавляет Максим, – то я столько далек от мнения этих несправедливых людей о Иерониме и его товарищах, что с радостью готов бы был причислить их к древним защитникам благочестия, если бы они не были Латиняне по вере: потому что находил в них ту же пламенную ревность о славе Христа Спасителя и о спасении и исправлении верных; и это не по слухам от других, но сам их видел и много раз бывав при их поучениях. И не только находил в них ту же ревность о благочестии, какую и в древних мужах, но и ту же мудрость, тоже разумение и знание богодарованных писаний и ту же опытность во внешнем учении. Особенно отличался всем этим Иероним, который по два часа стоя на кафедре, а иногда и более, проповедовал, изливая струи учения в изобилии, не книгу держа пред собою и из нее заимствуя доказательства своих слов, но износя их из сокровищницы своей богатой памяти, наполненной богомудрыми объяснениями священного Писания»²⁸.

Такое сочувствие Максима к Савонароле, такое уважение к его жизни, учению и несчастной судьбе, и собственное свидетельство Максима, что он многократно бывал свидетелем его обличений и наставлений, дают нам право предполагать, что живая и восприимчивая душа молодого Грека не

могла не вынести из этого знакомства многих полезных впечатлений. И если он уже испытал увлечение господствующими ложными идеями в городах и училищах итальянских, или если еще предстояло ему долго бороться с ними в душе, – во всяком случае, обличительное и назидательное слово знаменитого проповедника и пример его жизни должны были произвести благотворное на нее действие, очищая, или, по крайней мере, благовременно предохраняя его ум и сердце от тяжелых падений. – Достоин примечания, что в собственном характер Максима, в его деятельности у нас, и в самой судьбе его много было сходного с теми чертами, какие он сам изобразил в своем сказании о Савонароле. Это – строгий образ жизни, ревность за истину Христову, смелость в обличении современных пороков, прямота в слове и действиях, – и за все это гонения от людей непреподобных!...

Есть свидетельство, что кроме Италии Максим посещал для науки и Францию. Известный князь Курбский, всегда хвалившийся личным знакомством с Максимом, называется его учеником славного Иоанна Ласкариса, учившимся у него философии в Париже²⁹. Из сочинений Максима можно видеть только, что он был знаком с состоянием тамошних училищ и господствующим в них направлением. Так он пишет, что в училищах Галлии, также как в итальянских, господствует уважение к суетной астрологии³⁰. В другом сказании с удовольствием он рассказывает, что в Париже, без всякой платы, преподается всем любителям богословское и философское учение, что наставники там получают от щедрот государя обильное содержание, что там процветают все науки, не только «наше благочестивое богословие и священная философия, но и всякие знания, относящиеся к внешнему образованию». Но, когда в след за тем прибавляет, что любителей просвещения в этих училищах весьма много, – *якоже слышах от неких*³¹: то это заставляет сомневаться, чтобы он лично был в Париже и посещал тамошний университет. Он мог слышать об этом знаменитом училище от своего соотечественника Иоанна Ласкариса, который действительно был наставником греческого языка в Париже, и потом, около пяти лет, был посланником от короля французского Людовика XII в Венеции (1503–1508)³², где жил довольно времени Максим.

Нет! не парижский университет довершил образование Максима Грека, а гора Афонская. В Италии, в Галлии он мог получить образование филологическое и философское: но просвещение богословское, утверждение в догматах веры православной, он мог почерпнуть только на востоке.

Что расположило Максима посвятить себя иноческой жизни? кто указал ему путь на Афон? – остается неизвестным. Вероятно однакоже, что Максим, уже почувствовав жажду к просвещению и познакомившись с средствами к удовлетворению этой священной жажды, искал и сам такой обители, которая бы представляла удобства не для одних подвигов иноческих, но и для дальнейшего усовершенствования умственного. Об Афоне, о множестве драгоценных рукописей греческих в его монастырях, он мог слышать и от своего наставника Иоанна Ласкариса, который, по поручению Лаврентия Медичи, отправлялся туда за рукописями и вывез оттуда до 200 древних книг³³.

Максим прибыл на Афон около 1507 г., и поступил в Благовещенский Ватопедский монастырь, где и пострижен.

Монастырь Ватопедский действительно богат был тогда учеными сокровищами, особенно для ищущего богословского образования. Об этом мы можем заключать по множеству рукописей, оттуда вывезенных в Москву, при царе Алексие Михайловиче, и составляющих донныне украшение московской Синодальной библиотеки. – Между ними находятся творения Василия В., Григория Богослова, Ефрема, Иоанна Златоустаго, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина и друг., в списках IX-XII в. Древнейший список Евангелия, каким обладает Синодальная библиотека, VIII века, принадлежал также Ватопедскому монастырю³⁴. Из тех же рукописей видно, что, даже во время Максимова пребывания на Афоне, были еще в Ватопеде любители философии, которые занимались сочинениями Аристотеля и толкователей на него³⁵. Ученые путешественники прошедшего столетия и нынешнего отлично отзываются о библиотеке Ватопеда, как о лучшей на Афоне³⁶. И до сих пор в этой обители еще сохранилось до 400 рукописей, и между ними более трех сот богословского содержания³⁷.

Обитель Ватопедская была одна из многолюднейших на Афоне: число братии в ней простиралось до 300 человек³⁸. Правила жизни иноческой с некоторых сторон изобразил сам Максим, по просьбе известного князя – инока Вассиана Патрикеева. «Образ жизни иноческой в св. горе, – говорит он, – разделяется на три чина: на общежительный, особый или лаврский, и скитский». – Не говоря ничего о последнем, Максим показывает далее, в чем сходны и в чем различаются два первые. «В киновиях, или в общежительных монастырях, и труды, и имущество, и пища – все общее у всех. В лавре, т.е. в монастыре св. Афанасия, и в Благовещенском Ватопедском монастыре, труды внутри и вне монастыря общие у всех, по рассуждению и по достоинству; и милостыня, какая собирается, поступает

в казну монастырскую и расходуется на потребности обители, с должною бережливостию: но общей трапезы нет, а выдается каждому на день по два хлеба, в среду же и пяток по одному. От общих работ монастырских освобождается только тот, кто дает вклад в монастырь: чего в киновиях не допускается. В киновиях и лаврах общий обычай: игумен ничего не делает без совета с избранными братьями, число которых простирается до 15 или до 20; и на всякой службе монастырской сам вместе с братиею трудится»³⁹.

На Максима, в виде послушания, неоднократно возлагаемо было поручение от обители, отправляться для сбора милостыни. Монастырь Ватопедский, особенно обязанный щедротам Палеологов, подобно другим обителям афонским, под владычеством турецким, не мог более содержаться собственными средствами. Оправдывая своим усердием доверенность братии, Максим с своей стороны пользовался этими странствованиями и сношениями с посторонними людьми, чтобы сеять между ними слово назидания. Подвергшись в последствии несчастью в России, он писал к митрополиту Макарию: «куда ни был я послан от святой обители Ватопедской, по повелению преподобных отцов моих, для сбора милостыни, везде, при содействии и просвещении от Св. Духа, в чистоте проповедовал православную веру, и всегда отпускаем был в св. гору обратно с честью: нигде не был заключаем в узы и темницы»⁴⁰.

Вызов Максима в Россию и первые труды его в Москве

В трудах для обители, в подвигах жизни иноческой и в занятиях ученых Максим провел на Афоне около десяти лет⁴¹, как в это время получено было из России неожиданное приглашение, на имя одного из старцев Ватопедскаго монастыря. В письме к проту, или игумену начальствующему в Карее, Симеону, великий князь московский, Василий Иоаннович просил прислать к нему на время переводчика книжного, ватопедскаго старца Савву. На этого старца, вероятно, указал в Москве возвращавшийся из России иеромонах ватопедский Неофит. С такою просьбою посланы были от великаго князя люди торговые Василий Копыл и Иван Вараввин (в половине марта 1515 г.)⁴². Но Савва, по старости и по болезни в ногах, довольно обыкновенной на Афоне, по причине продолжительности в священнослужении, отказался ехать в Россию. – Между тем посланные в. князя имели еще надобность быть в Константинополе⁴³: дело замедлилось. – Наконец прот. Симеон, с согласия и братии ватопедской, решился заменить престарелого Савву иноком Масимом. Игумен ватопедский Анфим, в посланиях к в. князю и к митрополиту⁴⁴, свидетельствовал о нем, что он «сведущ в божественном Писании и способен к изъяснению и переводу всяких книг, и церковных и так называемых еллинских, т.е. языческих. Правда, – писал он, Максим не знает языка русскаго, а только греческий и латинский; но мы надеемся, что он скоро научится и русскому языку». Для этого, может быть, не без намерения отправлен был из Ватопеда, вместе с Максимом и иеромонахом Неофитом, третий брат Лаврентий из болгар⁴⁵. Путешествие их было не довольно поспешно: несколько времени они должны были провести в Крыму, где посланные от в. князя имели свои дела⁴⁶. Наконец 4 марта 1518 г. они прибыли в Москву.

Что побудило в. князя искать себе на Афоне книжного переводчика? По свидетельству «сказания о Максима Греке», Василий Иоаннович, чрез несколько времени по вступлении своем на престол, нашел в некоторых палатах своих множество греческих книг, которых не мог тогда разуместь никто из русских. Итак желание знать, что заключается в этих книгах, – вот что было причиною вызова ученого Грека в Москву.

Действительно до нас дошли некоторые сведения о богатстве великокняжеской библиотеки в XVI ст., именно в отзывах ученых немцев, имевших случай ее видеть, и даже рассматривать. Видел ее взятый в 1565 г. из Дерита царем Иваном Васильевичем лютеранский пастор И.

Веттерман. Он говорит, что библиотека эта хранилась подле царских покоев, как драгоценное сокровище, под двумя сводами, что в ней находились книги еврейские, греческие и латинские, полученные от патриарха константинопольского, и лежавшие лет сто, или более, без всякого употребления. Между ними Веттерман нашел несколько авторов, известных по указаниям других писателей, по коих творения не встречались тогда на западе. – Не только видел, но и рассматривал эту библиотеку другой немец, неизвестный по имени, из замечаний которого сохранилось только некоторое извлечение. Он свидетельствует, что рукописей было в ней до 800, частью купленных, частью полученных в дар; большая часть из них греческие, но много было между ними и латинских. В упомянутом извлечении сохранилось название только более редких, относящихся к древней классической литературе латинской и греческой, и к юриспруденции⁴⁷.

Вероятно, и старцы ватопедские слышали, что между рукописями в. князя есть из древней еллинской литературы: потому и в отзыве о Максиме нашли нужным упомянуть, что он способен для перевода и таких творений. Но, без сомнения, в библиотеке великокняжеской всего более было церковных писателей, – и с ними-то в. князь желал познакомиться; потому в этом деле принял участие и митрополит московский Варлаам⁴⁸.

Великий князь принял Максима весьма радушно: назначил ему пребывание в Чудове монастыре, и содержание от своего двора⁴⁹. Уже с той поры, как Максим изъявил согласие ехать в Россию, он стал пользоваться жалованьем в. князя⁵⁰: теперь он во всем был обеспечен вниманием великого князя. Митрополитом Варлаамом он был принят также весьма благосклонно. Первосвященитель московский был старец святой жизни; он не был писатель, но сам трудился в иконописании; любил благолепие храмов Божиих, и охотно последовал добрым советам к улучшению состояния церковного⁵¹.

После осмотра великокняжеской библиотеки, Максиму поручено было заняться переводом толкования на псалтирь. Псалтирь была книгою, наиболее обращавшеюся в руках наших предков. С нее начинали они знакомиться с грамотою. К ней всего чаще обращались в церковном богослужении. Она же служила и для домашнего благочестивого упражнения, и уединенному подвижнику и простому мирянину. – У нас были уже переведены и толкования на эту книгу, с самого древнего времени: одно присвоится св. Афанасию александрийскому, другое принадлежит бл. Феодориту кирскому. Но в библиотеке в. князя нашлось еще сводное толкование разных отцов и учителей Церкви. Оно составлено

из объяснений древнейших писателей церковных: между ними нет позже пр. Максима Исповедника (VII в.)⁵².

Так как Максим еще не был сведущ в русском языке, и тем менее был знаком с особенностями нашего церковного языка: то дали ему двух переводчиков, знающих латинский язык. Они должны были передавать то на церковно-славянский язык, что слышали от него на латинском. Оба они были из числа толмачей, которых употребляло правительство для сношений с иностранцами. То были: *Димитрий Герасимов*, в малолетстве учившийся в ливонских училищах, и бывавший в разных посольствах при дворах: шведском, датском, прусском и венском, и *Власий*, который был посредником в сношениях с Герберштейном, послан был в Данию и к Карлу V⁵³. В пособие переводчикам, назначены двое писцов: Михайло Медоварцев и инок Троицкого Сергиева монастыря Силуан.

Затруднения, какие представляла такая сложная работа, не препятствовали скорому и усопшему окончанию дела. Усердие трудящихся и возбужденное внимание правительства к их трудам все препобеждали. – Но было затруднение другого рода. В сводном толковании были соединены изъяснения четырнадцати, или пятнадцати различных толкователей, которые разнились между собою и в направлении толкований, и в самом объяснении тех или других псалмов. Сверх того, между толкователями было несколько лиц, признанных в древней Церкви еретиками; других православие считалось, по крайней мере, сомнительным. Не в XVI в., и в другое время, православному читателю могло бы показаться странным, наряду с именами св. Василия В. и Иоанна Златоустого, видеть Оригена Аполлинария, Феодора мопсуестского. То, что могло быть допущено Греком в более образованное время, еще признана справедливость того, что сказал св. Кирилл александрийский: «не всего, что говорят еретики, должно убежать и отвращаться. Многие они исповедуют также, как исповедуем и мы»⁵⁴. Для устранения таких и подобных затруднений, Максим решился, в послании к в. князю, которое должно было служить вместо введения и для других читателей, предварительно сообщить исторические сведения о толкователях и их направлениях, и сделать замечания касательно православия некоторых.

Три главные направления различает Максим между толкователями Псалтири. Одни держались объяснения анагогического, другие аллегорического, третьи буквального. Первое старается возвести мысль от земного к небесному, усматривая в событиях и лицах внешних, исторических – тайны мира духовного⁵⁵. К числу толкователей такого

рода Максим относит: Оригена, Дидима, Аполлинария, Астерия и Евсевия. Особенно находит он нужным раскрыть правильный взгляд на Оригена. «Сколько в начале, – пишет Максим, – он был славен своею мудростию и правотою догматов, столько впоследствии возбудил к себе ненависти и отвращение отвержением правых догматов. Но не будем смущаться, – продолжает рассудительный Максим, – не будем почитать его толкований душепагубными. Они писаны еще до уклонения его к худшему, когда он еще изобильно был насыщаем высшим вдохновением Духа Утешителя, и с нами, православными, ополчался против еретиков, доблестно поражая их полчища своим обоюдоострым мечем, и расторгал их лжеучения, как ткань паука. Мудрости и силе его слова столько удивлялся великий в богословии Григорий, что называл его пробным камнем всех современников своих, отличавшихся мудростию⁵⁶, и потом, вместе с Василием, прочитав все его книги, сделал из них выбор наиболее возвышенных мест догматических, и составил из сего книгу, названную *филокалией* (Добротолубие), которая сохраняется и донныне». – Действительно, по свидетельству Евсевия, толкование на псалмы начато Оригеном еще в Александрии, следовательно до обличения его в лжеучении. Но надобно прибавить, что в переводе Максимовом редко встречается имя Оригена: толкования, ему принадлежащие, то приводятся под именем других писателей: Евсевия, Дидима, Феодора, то оставляются вовсе без надписаний, а многие, вероятно, и вовсе опускаются⁵⁷. Нельзя, впрочем, все такие опущения, или изменения в именах толкователей приписывать нашему переводчику: могли они зависеть и от рукописи, с которой переводил Максим⁵⁸, и от воли и рассуждения русских переписчиков.

Из числа прочих толкователей тогоже направления, о Дидиме Максим замечает, что не знает ни времени, когда он жил, ни его звания, но в толковании находит его православным, не многословным и глубокомысленным. Ограничиваясь таким отзывом, Максим ни слова не говорит об отношениях Дидима к Оригену, которые помрачили славу его в древней Церкви. – Что касается до Евсевия, еп. Кесарийскаго, то Максим находит, что он стоит не ниже⁵⁹ Дидима, как в других отношениях, так и по своему толкованию. Зная различныя суждения о православии сего епископа, он присовокупляет, что в своих толкованиях Евсевий везде стоит за истину, в особенности ясно различает, что относится к Божеству Иисуса Христа, что к человечеству, и что принадлежит обоим. – В суждении об Аполлинарии Максим довольствуется отзывом Филосторгия, который, сам принадлежа к арианам, свидетельствует об нем, что он был

последователем учения об Единосущном. – А вопрос об Астерии разрешает, согласно с мнением Фотия, патриарха константинопольского, отличая его от соименного Астерия из ариан. – Так обо всех толкователях, отнесенных к этому разряду, Максим находит нужным сделать, и делает успокоительные замечания относительно их православия.

Не нужно было делать таких оговорок, при указании на толкователей, отнесенных Максимом ко второму классу, или державшихся аллегорического объяснения, под которым он понимает правильное изъяснение псалмов пророчественных, относящихся до Христа Спасителя, и приложение к Его лицу и к Церкви христианской других псалмов. Одобряя сих толкователей, Максим замечает, что они наиболее могут служить и к назиданию православных, потому что простирают свое учение и на нравы. К числу таких толкователей он относит св. Василия В., Иоанна Златоустого, Афанасия и Кирилла – Александрийских, и Исихия. Менее прочих был известен последний. Максим не мог представить никаких исторических сведений об нем; только замечает, что он был инок, что его толкования – сладкие соты духовной пчелы, что хорошо он понимает и изъясняет пророчества относительно Христа и Церкви.

Наконец Максим перечисляет и толкователей, следовавших буквальному, историческому объяснению. К ним он относит Феодорита, двух Феодоров и Диодора. О Феодорит однакоже справедливо замечает, что многократно он прибегает и к иносказанию, и заботится о пользе для нравоучения. Тоже находит нужным сказать и об одном из Феодоров, именно что, при буквальном объяснении, никогда не забывает он и пророческого значения псалмов. Но о другом, Феодор антиохийском, с удивлением говорит: «не знаю, что с ним случилось, – везде держится он только буквы, все относит к Иудеям, и слова пророчества испытует по грамматике». Этот Феодор есть известный епископ мопсуестский. – Там, где прекращаются выписки из толкования сего Феодора, именно с пс. 80, начинается изъяснение Диодора, который также, по замечанию Максима, толкует более по букве, и сказанное в псалмах относит к священникам иудейским; но иногда изъясняет и иносказательно, и некоторые пророчества относит ко Христу⁶⁰. Вот какими отзывами о толкователях предваряет Максим приступающего к чтению толкования Псалтири!

Хотя распределение толкователей на классы не всегда строго оправдывается характером их толкований, и самое различие двух первых направлений в толковании не совсем ясно⁶¹: но нельзя не признать, что Максим, при всей скудности исторических пособий, верно определил характер многих, и понял их сродство; а в своих замечаниях дал

читателям некоторое руководство, как смотреть на различные толкования в книге, им предлагаемой, и как ими пользоваться; указал односторонность некоторых, и показал, где искать несомнительного разумения слова Божия.

Правительство, вызвав Максима в Москву, для книжного дела, не отпускало спутников его, доколе не представит он порученного ему перевода. Нужно было употребить год и пять месяцев неусыпного труда⁶², чтобы совершить этот двойной перевод огромной книги, сперва с греческого на латинский, потом с латинского на церковнославянский язык. Окончив этот труд, Максим поспешил представить его великому князю, при послании, украшенном цветами ораторского искусства. Здесь нашли себе место и изречения греческого философа Платона и греческого императора Юстиниана, и примеры исторические древних государей и пастырей Церкви, и похвалы благочестию и правде, мудрости и кротости великого князя и митрополита московского. Затем, показав достоинство и важность книги, и познакомив с теми писателями, которых толкования в ней собраны, Максим почел нужным сказать и о своем переводе. «Надлежало-бы, – писал он, – книге, исполненной таких достоинств, иметь и переводчика более опытного в словесном искусстве, который бы мог не только глубокомысленные речения богомудрых мужей достойно передать, но и временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами Греки, и учились у знаменитых учителей; но еще стоим негде долу, при подошве горы Фаворской, с девятью учениками, как еще неспособные, по грубости разума, быть участниками боголепных видений Просветителя Иисуса, которых удостоиваются только просиявшие высокими добродетелями. Говорю это потому, что греческий язык, по изобилию в значении слов и в разных способах выражения, придуманных древними риторамы, довольно представляет трудностей в переводе, для побеждения которых нужно бы нам было еще много времени и усилий. Однакоже, сколько Бог нам свыше даровал и сколько мы сами могли уразуметь, не оставили потрудиться, чтобы сказанное ясно и правильно передать также правильно и вразумительно; а поврежденное писцем или от долговременности, где возможно было при пособии книг, или по собственной догадке, старались вознаградить, или исправить. Где же не могли мы ничего сделать, оставили так, как было»⁶³. При этом Максим не отрицал, что могут найтись в переводе и ошибки от недосмотра и от недоразумения, – и просил, по возможности, исправлять их, но с тем, чтобы исправитель сам был силен в знании греческого языка, хорошо был знаком и с

грамматикою, и риторикою и с значением слов греческих.

В заключение Максим просил у государя достойного награждения своим сотрудникам: толмачам и переписчикам; а себе, как единственной милости, просил позволения возвратиться в Святую гору, вместе с возвращающимися спутниками своими⁶⁴. «Избавь нас, писал он, от печали долгой разлуки, возврати безбедно честному монастырю Ватопедскому, давно уже нас ждущему. – дай нам совершить обеты иноческие там, где мы их произнесли, пред Христом и страшными Его Ангелами, в день пострижения. Отпусти нас скорее в мире, чтобы нам возвестить и там находящимся православным о твоих царских доблестях, да ведают бедствующие христиане тех стран, что есть еще на свете царь, не только владеющий многими народами, но и цветущий правдою и православием, подобно Константину и Феодосию Великим. Да дарует нам Господь еще некогда царствовать, освобожденным тобою от рабства нечестивым».

Усиленные просьбы Максима о возвращении на Афон уже показывают, что он имел причины опасаться несогласия на то правительства; а с другой стороны дают разуметь, что не так он был очарован благоприятностию окружающих его обстоятельств в России, чтобы забыть свой убогий Афон.

Великий князь передал представленный ему перевод на рассмотрение митрополиту. – Судить о достоинстве книги по выбору толкований, или судить о точности ее перевода, тогда не кому было в Москве, по недостатку образования в духовенстве. Но уяснение духовного и исторического значения многих псалмов, раскрытие пророческого смысла других единогласным свидетельством великих отцов Церкви, обилие назидательных мыслей, множество разнородных сведений, сообщаемых этим собранием отеческих толкований ясность и вразумительность перевода, все это поставляло вне всякого сомнения одобрительный отзыв о труде Максима⁶⁵.

Однакоже была здесь сторона, о которой могло высказаться и суждение иного рода. Занимаясь переводом толкования, Максим коснулся и перевода текста Псалтири, и местами исправлял его. К этому вызывала его иногда неточность, иногда неясность прежнего перевода. Представим несколько таких исправлений. Пс. 2, 1. прежде читалось, как и ныне: *вскую шаташася язъцы?* Максим написал у себя: *вскую възъаришася (ἐφρούρασαν) язъцы?* – 37, 21. *Зане гонях благостыню;* – держась благостыни – 61, 5. *Обаче цену мою совещаща отринути;* – обаче честь (τιμήν) мою совещаща отринути. – 67, 15. *Внегда разнствит Небесный цари на ней;* – егда разделить Небесный царей на ней. – 76, 11. *Сия измена десницы Вышняго;*

– сие пременение десницы Вышняго. 101, 8. Забдех (ныне: бдех), и бых, яко птица, особящаяся на здех; – забдех и бых, якоже врабей (στρουθίον), особящийся на zde. – 140, 2. Да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою; – яко фимиам пред тобою. – Впоследствии, как увидим, Максим внес еще более исправлений в перевод Псалтири, приближая язык ее к общенародному в формах грамматических и в словах.

Но никакие отступления от принятого текста не вызвали осуждения на дело Максима. Митрополит Варлаам не только не питал никакой недоверчивости к иноку святогорскому, – но ещё прежде окончания труда, возложенного на него в князем, сам просил Максима дополнить, также переводом с греческого, толкование на книгу Деяний. У нас было уже сводное толкование разных отцев и учителей Церкви на эту книгу, но только до 13-й главы. Между греческими рукописями в Москве, как видно, не нашлось тогда продолжения этого свода, с которого можно было бы докончить его перевод. Но нашлось другое толкование, неизвестно кем составленное в виде замечаний от одного лица, а не от многих. Этим-то изъяснением и хотели вознаградить неполноту первого. И Максим, при помощи одного из данных ему толмачей, Власия, успел окончить этот необширный труд, еще ранее перевода толкования на Псалтирь⁶⁶.

Итак ни по отношениям митрополита Варлаама к Максиму Греку, ни по самому существу дела нельзя было ожидать инаго суждения о главном труде его, представленном в князю, кроме благоприятнаго. Действительно митрополит не замедлил дать о нем самый благоприятный отзыв. «Спустя не много дней, – говорит «Сказание о Максиме» – преосвященный митрополит приходит в царевы палаты, со всем освященным собором, в сопровождении клирика, который нес новопереведенную Псалтирь; и все соборне одобряют ее, называя ее источником благочестия. Тогда в князь с радостью принял эту книгу и почтил трудившегося не только великими похвалами, но и сугубою мздою».

Дальнейшим последствием успешного окончания сего поручения было то, что великий князь спутников Максима, чрез полтора года по прибытии их в Москву, отпустил одних на Афон, других в Константинополь, а его самого расположил остаться в Москве для новых трудов⁶⁷. Россия умела оценить достоинства ученаго Афоногорца!

Оканчивая обзор первых трудов Максима в России, считаем излишним поместить здесь письмо одного из сотрудников его по переводу Псалтири⁶⁸. Оно дополняет нам сведения о том, как с самого начала смотрели на Максима в России, с какими вопросами обращались к нему, и как благоразумно и осторожно предлагал он свои замечания.

Предварительно мы должны заметить, что здесь идет дело об одном странном изображении на иконе, которое в XVI столетии было предметом споров и пререканий: представлен был Господь Иисус Христос с венцем царским на главе и в святительской одежде, в образе Давида царя. Пред ним крест; на верху креста «отрок млад», также в царских ризах и венце; ниже его, пригвожденный ко кресту белый серафим; по конец рогов крестных два херувима багряновидных. При подножии креста глава Адамова. Вот самое письмо:

«Государя великого князя дьяку господину, Михайлу Григорьичу вскормленник твой челом бью».

«Показал ми, господине, твой подъячей образ необычен, егоже, опроче одного града, в всей русской земле не написуют; а молвил ми, господине, твоим словом, чтобы мне о том посоветовать с мудрыми людьми. И яз, господине, повопросил о том инока святыя горы, именем Максима, мужа учена греческому писанию, и латыньскому не потолику, да горазд же, да не потолику; и обычай многих земель знает греческих, и латыньских, и французских, и аламаньских. А ныне, господине, переводит Псалтирь с греческаго толковуую великому князю, а мы с Власом у него сидим переменяся: он сказывает по-латынски, а мы сказываем по-русски писарем; а в ней 24 толковника. И он, господине, рекл, не видал де-и есмь тем подобием образа ни в коей земле, познаю де-и, то иконописцы здешние от себя составили. Да хулы, господине, не положил: токмо о Серафиме, еже наречен душею Иисусовою, и пригвожден, то де-и как бы от ереси, занеже серафим и душа безплотни, а безплотное не может пригвоздиться. А о Адамли главе рекл: чрез море ношашеся и положися, идеже Господь распятыся, то де-и Индикоплова повести⁶⁹, да не истинно. А глава де-и Адамля поистинне на месте Голгофе положися, принесена Божиим мановением, якоже велиции святии пишут: Афанасие александрьский и Василей кесарийский. И того де-и яз не обрел в священном Писании, откуда и како принесена, известно. А латыни говорят, еже Адам, по согрешеньи, преселен от рая, и умре и погребесе в Хевроне, идеже Авраам, и Исаак, и Иаков, и Сарра, и Ревекка, и Рахиль погребени в пещере сугубей; а Голгофа, еже есть лобное место, зовется, сказывают, не от Адамли главы, но от казненых глав на месте том; а и о Адамлю главу сказывают, тут же положену, от Хеврона принесену. Мы же, господине, не латыньскому, но греческому последуем. А конечнее, господине, рекл Максим, то де-и преизлишне таковыя образы писати, иноверным и нашим хрестьяном простым на соблазн; довлеют де-и хрестьяном те образы писати и поклонятыся им, ихже святии отцы

уставиша и повелеша соборне, и праздники их уставиша. А кто де-и захочет, емлючи строки от писанья, да писати образы⁷⁰, и он бесчисленныа образы может составить. А бывала, господине, о том образе речь великая и при Геннадии архиепископе; и посадники возложиша на иконников, и став иконник большой Переплав, с прочими иконники, и рек: мы, господине, те образы пишем с мастерских образцов старых, у коих есмя училися, а сниманы с греческих. А писанья, господине, о том не предложили никотораго. И Псковичи тогды паче послушали иконников, а не архиепископа: якоже воины, бывшии в корабли с Павлом, паче послушаху науклира, а не Павла (Деян. 27, 11.). А что, господине, о том ныне писанье изложено⁷¹, и Максим, господине, того не похулил, а рекл: все-де имал списатель от писанья, а не от себя писал. А о души Иисусове, еже есть о Серафиме пригвожденном, похвалил списателя, еже оградилсѧ безъответиѧ⁷²; ащели бы не оградилсѧ неведаньем, то нарек бы его еретиком. Да поносил, господине, о том: Иисус-де был един Сын Божий; а у вас-де пишут многие Иисусы на одной иконе: в Давидове образе Иисус Христос, – а в брнях другой Иисус Христос, и на тойже иконе», и проч.

Примечания

¹ - Вот основания для такого заключения. Максим Грек скончался в 1556 г. За три года пред тем, к. Курбский видел его в Троицком Сергиеве монастыре (современное наименование – «Свято-Троицкая Сергиева Лавра» – прим. редакции) «уже в летех превосходных старости умащенным». Сказания к. Курбского. Изд. 2. с. 39. – В Россию прибыл Максим в 1518 г.; пред тем лет десять провел он на Афоне; а сюда прибыл после «многолетнего» пребывания в Италии. Живя в Италии имел он случай многократно слышать во Флоренции проповедь Иеронима Савонаролы, скончавшагося в 1498 г. Судя по впечатлению, какое оставила она в душе Максима, надобно допустить, что любознательный Грек уже достаточно был развит для того, чтобы оценить нравственное достоинство доминиканского проповедника. Полагаем, что в эту пору Максиму было уже около 20 лет.

² - Дошедшие до нас «Сказания о Максима Греке» (при рукописях Троицкой С. лавры, содержащих в себе его сочинения № 1. л. 17, и № 2. л. 553, и при Псалтири Максимова перевода л. 1.), вообще весьма скудны сведениями о первых годах жизни Максима. Составитель сказания № 2 прямо говорит: «рождение его не вем». В № 1 сказание тоже, но местами дополнено. Здесь сказано: «рождение его от Арты града. Арт же град от царствующего града т.е. Константинополя) осьмнадцать дней и полдне, ко Иерусалиму путь. А от Арты до Иерусалима толикоже. Отца же Мануила и матери Ирины, христианех, греков, философех» – В сказании, помещенном при переводе Псалтири и принадлежащем диакону каменец-подольскому, и потом иноку Исаие (ок. 1591 г.), замечено: «Максим, сын воеводский, инок, родом грек».

³ - Рк. Троицк. Серг. Лавры. Соч. Максима Грека. № 2. слово 2-е на Богоборца пса Моамефа. л. 69 об.

⁴ - В своем Исповедании православной веры, напечатанном при Истории Русской Церкви м. Платона, Т. II. С. 303., Максим говорит о себе: «Грек аз и в гречестей земли и родихся и воспитан». В сказании о Максима, помещенном при рк. Синодальной библии. № 157 (по преж. катал.), говорится, что он учился в своем отечестве, в Палестине и в Италии. – Здесь под именем Палестины разумеется, конечно, также отечество Максима, Албания.

⁵ - В послании к м. Даниилу, упоминая о своих полемических

сочинениях против Еллинов, т.е. язычников, называет их так: «списания яже ко Еллином, бывшим дотоле моим учителем, а не и ныне». Рк. № 2. сл. 27. л 125. об.

⁶ - Востокова опис. Румянцев. Музеума. с. 369.

⁷ - Guinguené, Histoire Littéraire d'Italie. Т. VI. р. 328.

⁸ - Сказания К. Курбскаго. О соборе флорентийском с. 296. О том, где мог учиться Максим у Ласкариса, – см. ниже.

⁹ - Рк. № 2. Сл. 69. Словеса душеполезна л. 327 об. «да не постражеши реченное премудре Меонидом (на поле: Омиром), глаголюще: муж несмыслен, повнегда в бедах впаднет, тогда чюл есть». Сл. 37. Строки шестнадцать, сложены иройскою мерою, и сказание о них. л. 144 об. «якоже и Омир глаголет премудрый, законополагая страннолюбию лепо есть любити гостя, у нас живуца, а хотяша отъйти пустити». – Сл. 6. На еллинскую прелесть. л. 25. об. «якоже баснословная Каллиопия глашает (на поле: Омирская книга)».

¹⁰ - Рк. № 2. сл. 69. л. 329 об. – В другом случае, именно в слове о Рождестве Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Максим в обличение мифологии указывает на противные чистой нравственности сказания мифологическая о богах: о Зевсе, Палладе, Семеле, Афродите и др. л. 24. об.

¹¹ - Сл. 6. л. 28.

¹² - Вост. Опис Румянцев. музеума. с. 370.

¹³ - См. Слово обличительное лживого списания Афродитианова. Рк. № 2. сл. 10

¹⁴ - См. 108. Толкование имен Напр. "Иннокентий римская пословица, а толкуется афоос (ἀφῶος) еже есть рещи по русски неповинен. Сергей римская пословица, а толк его неведом мне. Флавиан по-римски рус, не языком, но волосы».

¹⁵ - Сборник Синод. библи. № 791. л. 123 об. В письме к Феодору Карпову Максим писал «а философом, Бога ради, не зови мене аз инок есмь, паче всех невежа».

¹⁶ - Слово обличительно отчасти латинскаго злословия, в нем же и на альманака Рк. № 2. сл. 136. л. 573.

¹⁷ - См. тамже Сл. 76. л. 383. «Платон внешних философ первый». – Сл. 77. Послание к Ф.И. Карпову. л. 396. об.

¹⁸ - Сл. 135. слово на Латинов. л. 561. об. «Никая догма в них крепка непщуется, ни человеческая, ни божественная, аще не Аристотельския

силлогизмы утверждают сию догму и еще не согласится с художественным показанием».

¹⁹ - Сл. 77. л. 397. «Философская вещь священна вельми есть, и поистинне божественна без малого чего».

²⁰ - Сл. 136. л. 573

²¹ - Сл. 136. л. 573. Да не непшуете мене сего ради укарятн внешнее наказание, полезно суще и мало не всеми свидетельствуемо возсиявшими во благочестии. Не тако аз неблагодарен ученик его, аще и ни в преддвериих его довольне пребых. Но чрезлепаго износимому многонепытному разуму взыскующих е%` зазираю. Зане лепо им благочестиве проходити е (т.е. внешнее наказание, или философию) и умне причащатися, избирающим споспешествующая ко утверждению христианския веры, и, еже божественный Павел глаголет, пленяюще всякого разума во Христа, и везде понужати е, и аки рабыню евангельския истины водити и непшевати е. Спротивно сии творят, всех себе предаша ему, отторгшеса истины, и чрез все свое житие Аристотелю и Платону и прочей чреде еллинской узриши убо их прилежащих и ими гостящихся, и их всех дышущих. Отнюдуже елико развращение догматов и злочестие рожатися в мыслех учащихся ему обыче, ни едино слово довольно представить. Свидетель аз сих всех достоверен не яко слышатель и самовидец токмо онех во Италии и в Лонгобардии, но и сообщатель некогда быв им. И аще не бы иже о всех пекийся Бог ...

²² - Сл. 77. к концу о. 404. об. 405

²³ - Это слова Доминика Бенивени, каноника св. Лаврентия, и брата известного поэта итальянского Иеронима Бенивени. Bóringer, d. Vorreformatoren. 2. Halft. S. 766.

²⁴ - Πλήθωνος νόμων συγγραφής τά σωζόμενα, par C Alexandre. Paris 1858. Préliminaire. pag. LXXXVII. Отзвыы других современников о нравственно-религиозном состоянии Италии в конце XV в. и начале XVI-го, см. у Gieseler Lehrbuch d. Kir chengeschichte. II, 4. S. 507–509

²⁵ - Слов. 136. л. 573. об. По самой речи Максима видно, что он н\уже не застал в живых этого флорентийскаго ученого, который умер в 1494 г.

²⁶ - Guinguené T. III. p. 362.

²⁷ - О жизни и судьбе Иер. Савонаролы см. Perrens, Hier. Savonarole nach Originalurkunden und grösstentheils ungedruckten Schriften. 1858. – Bóringer Vorreformatoren. 2 Halft. S. 747. 1858.

²⁸ - Рк. № 2. Слов. 50. л. 180 об. и след.

²⁹ - Сказания кн. Курбского с. 296.

³⁰ - Рк. № 2. слов. 71. л. 404 об.

³¹ - Рк. № 2. сл. 50. л. 181

³² - Börner, de doctis hominibus Graecis. 1750. p 202 203

³³ - Ibid.

³⁴ - Mathaei accurate Codicum Graecorum mss. Bibliothecarum mosquensium ss. Synodi notitia et recensio. 1805. см. Codd. 40. 54. 281. 135. 142. 152. 272. 300. 348. 349. 337.360. Турограф. in f. Cod. 6. К более поздним принадлежат сочинения Никифора Влеммида – codd. 186. 289. 320. и патр. Филофея cod. 336. – О древнейшем списке Евангелия см. Mathaei ep. Ad Thessalonicenses p. 268.

³⁵ - Mathaei I. с. cod. 6. на этой рукописи прямо означен 1517 год, и сказано, что она принадлежит Ватопедской обители. Также хранится собственноручный список Геннадия, патриарха константинопольского, содержащий в себе сокращенное толкование на некоторые книги Аристотеля. Cod. 7. Кроме того и другие светские сочинения, как то. Плутарха cod. 387. Мосхопула грамматика cod. 310; лексикон греческий. Турограф. in fol. cod. 21.

³⁶ - См. отзыв ученого Виллуазона, путешествовавшего на восток в 1785 г. в *Révue de Bibliographie, par Miller et Aubéna*s. 1844. p. 833. Владимира Давидова Путевыя Записки 1840. г. ч. 2. с. 210.

³⁷ - Григоровича, Очерк путешествия по Европ. Турции с. 58–62.

³⁸ - Сказание о св. горе Афонской Иоакима игумена Пантелеимонова м. в 1560 г., помещен. в Чтениях Общества Истор. 1846. № 4 с. 20.

³⁹ - Сказание инока Максима к старцу Вассиану о св. горе жительства. Рк. № 1. л. 14. об.

⁴⁰ - № 2. сл. 14. л. 99. об. В этом послании примечательно еще место, где говорит Максим о себе до прибытия в Россию. «Ничто же лукаво, ни хульно о православной вере, вашей и моей, ниже свем себе, ниже писах отнюдь. – Сопротивно же паче, неточию zde у вас писав словеса довольна на больших ересей, – но еще и пред самими вельможами глаголемых ... нашу православную веру светле и без обинования воспроведах, благодатию покланяемого божественного Параклита, просвещен быв и укреплен». За тем следуют выше приведенные слова. В обоих списках лаврских здесь после слова глаголемых очевидный пропуск. В синод. списках № 491 (по прежн. катал.) после: глаголемых, стоит лях. Если здесь нет ошибки, то это слово указывает на неизвестныя нам сношения

Максима с Поляками.

⁴¹ - В послании к царю Ивану Васульевичу Максим просился об отпуске в гору Афонскую, «идеже, – писал он, – лета десять потрудихся телесне и душевне, о уповании, да тамо положатся окаянныя кости мои». Рк. № 2. л. 588.

⁴² - Полное собран. летоп. Т. VI. ст. 257. Они отправились с послом султана турецкаго Селима.

⁴³ - Полн. собр. лет., там же. «тое же зимы (1515–1516) прииде из Царьграда на Москву Василий Андреев, сын Коробова (отправленный с послом султана), а Копыл с Вараввиным остались в Цариграде». Вероятно, на этом-то основано свидетельство «сказания о Максиме Греке», что в. князь писал о присылке Максима к самому султану и к патриарху цареградскому.

⁴⁴ - Акт. Ист. Т. I. № 122. и Временник Обществ. Истор. Т. V. Смесь с. 37.

⁴⁵ - Полн. собр. лет. Т. VI. с. 261.

⁴⁶ - В одном из своих сочинений, № 2. сл. 31. л. 130 об. Максим рассказывает об одном деле человеколюбия со стороны магометанина, замеченном им в Крыму «живущу ми в Перекопи».

⁴⁷ - Клоссиус, о библиотеке в. к. Василия Иоанновича и царя Иоанна Васильевича. В журнале Мин. Нар. Просв. 1834. ч. II. отд. 2. с. 397. Первый рассказ, Веттерманов, заимствован из лифляндской хроники Ниенштедта, теперь уже изданной в Monumenta Livoniae antiqua. 1839. Т. II. р. 67. Второй – неизвестного взят из записки Дерптскаго проф. Дабелова.

⁴⁸ - Сам Максим в послании, при котором представлял в. князю свой перевод псалтири, о вызове своем пишет. «сие внушение Божие – и ныне воздвиже твою державу к превожению толкований псалмов, во многа лета в книгохранительнице заключенных бывших, человеком же никую пользу подавших. Царство твое ... абие совет преосвященнейшему о Господе отцу твоему, господину Варлааму митрополиту, сообщает. И сего тако же сдьщуца (т.е. согласна) и усерднейша обретает. И молитву от него и благословение приим, скорейшими письмены, непраздными, начальнику и иноком, во св. горе пребывающим, призывал от честных обители Ватопедския некоего единаго, суца от иже в ней честных священников» т.е. Савву, и проч. Рк. № 2. сл. 76. л. 384.

⁴⁹ - Полн. собр. лет. Т. VI. с. 261.

⁵⁰ - Вот почему Максим, пользовавшийся милостию

великокняжескою до 1525 г, писал впоследствии, что пользовался ею девять лет.

⁵¹ - Vir sanctae vitae, пишет о нем Герберштейн. Ed. Starzevsky p. 20. О трудах Варлаама в украшении храмов см. Полн. соб. летоп. Т. VI. с. 254. 261. 262. 280.

⁵² - Описание слав. рукописей Моск. Синод. библиотеки II, 1. с. 83 и след.

⁵³ - О переводчиках см. Истор. Госуд. Росс. Т. VII. Со слов Герасимова писал свои замечания о России Павел Иовий, со слов Власия Иоанн Фабр. Adelung, Uebersicht der Reis in Russl. S. 185.

⁵⁴ - Epist. Ad Evlogium.

⁵⁵ - Максим это называет изъявлением по возвожению, сиречь по высокому и богодухновенному созерцанию.

⁵⁶ - Ὁ ριγένης ἡ πάντων ἡμῶν ἀχόνη. Suidae Lexic. ed. Bernhard T. 2. pars. 1. p. 1274.

⁵⁷ - Euseb. Histor. Eccles. VI. с. 24. Для сличения славянского перевода с греческим пользуемся а.) сводным греческим толкованием (catena) на псалтир, изд. Кордерием 1643 г. Т. 1 – 3. Но предварительно считаем долгом заметить, что хотя оригинал славянского перевода был близок к этому изданию, но не одно и то же с ним; – и б.) рукописью перевода Максимова, принадлежащей лаврской библиотеке; она нач. с 55 псалма, писана 1555 – 1560 г. – При сличении рукописи с упомянутым изданием открывается, что приводимые в этом издании места из толкования Оригена, часто встречаются в рукописи под другими именами, или оставляются без имени, или опускаются. Так напр. Три краткие выписки из толкования Оригена на пс. 56. у Кордерия Т. 2. р. 112. 113. 119, в рукописи не находятся. – Пс. 57. Cordeг. p. 130. Встречается под именем Дидима; р. 131. Под именем Оригена; р. 136. Приписывается Дидиму. – Пс. 59. Толкование Оригена у Кордерия р. 154., помещено в рукописи под именем Феодора; р. 178. 180 – под именем Евсевия, – и другое без имени толкователя, и т.д.

⁵⁸ - И в греческих рукописях толкования Оригеновы часто смешиваются с Дидимовыми. См. напр. Cursus Patrologiae Graecae T. XII. opp. Origenis p. 1481. 1483. et. T. XXXIX. opp. Didymi. p. 1419. 1421. 1423.

⁵⁹ - Так по списку Синодальному. Опис. Синод. Рк. II, 1. с. 85. В лаврских обоих списках частица не опущена.

⁶⁰ - Рк. № 2. сл. 76. За тем Максим сообщает замечания и о тех отцах

и учителей Церкви, которых слова, не постоянно, но местами, приводятся в толковании. См. Опис. Слав. Рук. Синод. библиот. II, 1. с. 86

⁶¹ - Может быть по этому, в некоторых местах, при самом толковании Евсевия, выставлено надписание. По возвожению, или по-гречески $\chi\alpha\tau' \acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\upsilon\eta\nu$. См. пс. 103. Тоже в пс. 147. и при толковании св. Иоанна Златоустаго.

⁶² - Как занят был Максим этой работой и как спешил ее кончить можно видеть, из следующих его слов в полемическом сочинении против латинян. Отказываясь от пространного опровержения их мнений, за недосугом, он пишет: «ниже дыхати имею праздности, объят в труде преведения псалтыри». Рк. № 2. слов. 135. л. 557. об.

⁶³ - Для примера Максим приводит несколько поврежденных фраз, которая, очевидно, требовали исправления, и были, по смыслу, исправлены при переводе.

⁶⁴ - "Мне-же и сущим со мною братии возвращение ко святей горе, за вся просящим, даровати да изволиши».

⁶⁵ - По этим достоинствам толкования, пользовались им и такие люди, которые вскоре стали во враждебныя отношения к Максиму, как напр. Митрополит Даниил в своих словах. Так в 6 слове о неизреченный милости Христа он приводит из толкования, переведенного Максимом, изъяснение на пс. 68, 6., с именами Афанасия, Феодора, Феодорита, Евсевия и Дидима; также на пс. 40, 5. 21, 1. – Рк. Москов. Д. Академии № 197. л. 208 об. и след.

⁶⁶ - В библиотеке Троицкой С лавры рк. толковый апостол № 4. в. л. Здесь, по окончании толкования на кн. Деяний, л. 153 сказано «помощию Божию и повелением святейшего Варлаама, митрополита всея Руси, написано толкование Деянием святых Апостол, от тридесяте перваго зачала до конца зач. 51. И преложено с греческаго языка на русский монахом Максимом святых горы Афоня, великыя обители Благовещения пресвятых Богородица, Ватопеда монастыря, да Власием толмачем, латынским и немецкым, в преименитом и славнем граде Москве, в царство благочестиваго и христоролюбиваго Василиа, Божию милостию государя и самодержца всеа Руси и великаго князя, в четвертоенадесяте лето государства его, в лето 7027 марта». – Эта подпись, как видно, перенесена с первоначальной рукописи сего перевода. Потому что лаврский список, как сказано не много повыше на том же листе, писан 7028 г. – О древнем, неполном переводе толкования на кн. Деяний. см. Опис. Слав. Рук. Синод. библиот. II. 1. С. 154. и др.

⁶⁷ - Никонов. лет. Т. VI. с. 224. Спутники Максима отпущены 11 сентября 1519 г.

⁶⁸ - Письмо это находится в Синод. Рук. № 569. XVI в. Оно писано, как видно, Димитрием Герасимовым, к дьяку Мисюрю-Мунехину в Псков.

⁶⁹ - т.е. Козмы Индикоплевста, так названного от путешествия его в Индию.

⁷⁰ - т.е. представлять на иконе в лицах содержание тех или других стихир церковных.

⁷¹ - Разумеется написанное кем-то объяснение изображенного на иконе, о которой идет речь.

⁷² - т.е. теме, что не принял на свою ответственность.

Содержание

Максим Грек, святогорец протоиерей Александр Горский	1
Жизнь Максима до прибытия его в Россию	2
Вызов Максима в Россию и первые труды его в Москве	14
Примечания	24